

THEORY AND PRACTICE IN FOREIGN POLICY-MAKING / M.GIRARD, W.-D.EBER-WIEN AND K.WEBB, EDS. LONDON: PINTER PUBLISHERS LTD., 1994.178 p.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ / Под РЕД. М.ЖИРАРА, В.-Д.ЭБЕРВЕЙНА, К.УЭББА. Лондон: ПИНТЕР ПАБЛИШЕРС, 1994.178 с.

Социология принятия решений в области международных отношений — достаточно новая дисциплина не только в России, но и в других странах мира. Традиционно принятие решений в этой области покрыто покровом мистики, секретности и элитарности. Но сегодня общественность стремится знать, как принимаются те или иные решения, кто и как участвует в процессе, как отражаются интересы общества в каждом конкретном случае?

Рецензируемая работа, посвященная теории и практике принятия решений в области международных отношений, несомненно, представляет большой интерес. Это сборник статей, написанных специалистами. Книга состоит из 12 частей. Материалы можно раз делить на две группы. В первой рассматривается вопрос с теоретической точки зрения, проводится нормативный и философский анализ проблемы. Во второй анализируется практика взаимоотношений общества и государственных институтов, занятых в данной сфере, на примере всемирных государств мира. В заключительной главе проводится сравнительный анализ результатов и выделяются перспективы развития.

Статья "Теория и практика во внешней политике: эпистемологические проблемы и политические реалии", написанная Мишелем Жираром (Парижский университет), служит своеобразным введением. В ней рассматриваются основные проблемы взаимосвязи "теоретиков" и "практиков" международных отношений. Автор выделяет параметры взаимоотношений, разделяющих эти группы. Во-первых, это социальная дистанция между ними (с.5), выраженная в ограниченной профессиональной мобильности (обмене местами) и интроверсии (сосредоточенности на самом себе). Во-вторых, так называемая асимметричность: "практики" внешней политики всегда имеют преимущества, в том числе легитимные статусы, в связи с принадлежностью к государственной системе.

Отмеченные привилегии не распространяются на академические профессии. В-третьих, профессионалы в области внешней политики считают, что их действия независимы от академического мира (с.6), а это не всегда соответствует действительности. В статье также анализируются "эпистемологические и прагматические проблемы" отношений между группами, в той или иной степени обязанными действовать совместно в сфере принятия внешнеполитических решений.

В статье "Ученые и практики: власть, знания и роль" Кейс Уэбб (Кентский университет, Великобритания) рассматривает роль ученых и практиков в сфере международных отношений. Автор выявляет возможности ученых и их функции. Среди возможностей: 1) теоретическое и структурированное объяснение фактов и взаимосвязей; 2) акцент на легитимности многих точек зрения на мир; 3) наведение порядка в случае неразрешимых дебатов; 4) заинтересованность ученых в разработке фундаментальных понятий; 5) выработка учеными, находящимися "по разные стороны баррикад", не столько одинаковой академической точки зрения, сколько множественности академических подходов; 6) отличие временных рамок теоретиков от тех же рамок у практиков; 7) экспериментальный (tentative) характер академического видения мира (с.22-23). Автор называет четыре функции: обеспечение альтернатив, информирование, повышение восприимчивости и критицизм (с.23-25).

В статье "Академическая экспертиза как внешнеполитическая консультация: функции

правительственных консультативных советов в Нидерландах" Филиппа Эверста (Университет Лейдена, Нидерланды) рассматриваются проблемы взаимодействия общественных кругов и практиков. Автор отмечает, что принятие решений во внешнеполитической сфере по своей природе и необходимости элитарно. Усложнение международных отношений требует особого уровня экспертизы. Включиться в данный процесс можно путем публикации в специализированных изданиях, участвуя в общественных и политических организациях (с.64). В статье подробно говорится о значении академических экспертных советов.

Независимые консультативные советы при министерствах и ведомствах в Нидерландах традиционно играют значительную роль. Считается, что решение не должно быть принято до тех пор, пока представители кругов, которых оно непосредственно затрагивает, не выскажут свое го мнения. Сотрудники министерств редко считают это признаком недостатка знаний или информации. По их мнению, это скорее поиск со циетальной поддержки и легитимности или решение проблем с оппозицией (с.65). В последние годы количество советов резко уменьшилось (примерно до одного на каждый департамент). Это обусловлено тем, что система: 1) порой приводит к стиранию различий между независимой экспертизой и попытками реализовать определенные интересы; 2) замедляет законодательный процесс; 3) снижает политическую ответственность парламента. Но поскольку плюсы все же перевешивают минусы, советы остаются и активно работают в сферах обеспечения мира и безопасности, решения проблем развития, прав человека.

Конечно, заключает Филипп Эверст, отношения между экспертами и практиками никогда не были и не будут простыми, но пока каждая из сторон учится у другой и дополняет одна другую, они должны сое уществовать (с.79, 80).

Кейс Уэбб в главе "Научные работники и профессионалы в сфере международных отношений: британское восприятие" опирается на опрос, проведенный среди исследователей и преподавателей Британской ассоциации международных исследователей.

В Великобритании число социологов быстро растет. Это удивительно, поскольку с 1979 года зарплата в академических учреждениях снижается; люди трудятся в данной сфере долгое время (с.82); в связи с коммерциализацией сроки контрактов преподавателей напрямую зависят от финансовых обстоятельств; введены дополнительные оценки исследовательской результативности (с.83).

Так, если несколько лет назад Европейский консорциум политических исследователей редко проводил встречи по проблемам международных отношений, то теперь этой теме посвящено около четверти семинаров (с.83). К тому же за последние 10 лет в университетах резко выросло количество курсов по проблемам международных отношений. Как показывает опрос, интерес к данной отрасли является основным мотивом выбора профессии для 75% респондентов.

Автор проводит краткий экскурс в историю Департамента иностранных дел и содружества (Британский МИД), рассказывает о его роли и месте в процессе принятия внешнеполитических решений, рассматривает проблему взаимосвязей экспертов и практиков.

Выделяя различные аспекты этих взаимоотношений, автор делает парадоксальный вывод: если ученые хотят оказывать влияние на принятие решений в области международных отношений, они не должны быть вовлечены в сиюминутную политику (с.93).

Проблемам становления и развития российской академической школы в данной сфере посвящена статья Ивана Тиулина (МГИМО) "Международные отношения и уроки зависимости от Советского Союза до России". Автор выделяет три этапа становления российской академической школы международных отношений и развития связей ученых с практиками: I — период зависимости (с 1960-х до середины 1980-х годов); II — от зависимости к партнерству в эпоху перестройки и гласности, III — "реконструкция",

начавшаяся с распада СССР и установления новой российской государственности (с. 110, 111).

На первом этапе наблюдаются становление дисциплины "Международные отношения" как таковой и переход от изучения отдельных стран к систематическому изучению комплекса отношений между ними. Этот переход характеризуется попыткой соединить несоединимое: сохранить идеологическую чистоту, с одной стороны, и развить прикладные научные исследования для практического применения, с другой. Однако ни к чему хорошему это не привело (с. 114). Практики по-прежнему редко прислушивались к "теоретикам", а "теоретики" не получали доступа к руководству страны. Аналитические материалы редко попадали на стол руководителей. Записка академика Богомолова в ЦК КПСС в 1980 году — исключение из правил (с.115).

Радикальные изменения принесла перестройка. Главный прорыв заключался в отказе от концепции "классовой борьбы в международных отношениях" (с.116). В тот период российская школа международных отношений переживала небывалый подъем: данная дисциплина активно изучалась в рамках Академии наук СССР и в различных исследовательских институтах. Горячие дискуссии развернулись на страницах академических изданий, на конференциях и семинарах. Новый руководитель МИДа попытался соединить "высокую науку" и практику. Стали организовываться встречи между учеными и дипломатами, осуществлялся широкий обмен мнениями.

На третьем этапе произошли значительные сдвиги в теории и практике принятия внешнеполитических решений. Новые идеи и политические концепции очень скоро превратились в новые догмы. Так, догма "классовой борьбы" сменилась "общечеловеческими интересами" (с. 121).

Некоторые ученые стремились внести свой вклад в создание новой "позитивной" роли России с новым инструментарием, новым стилем, новыми приоритетами (с. 121). Часть экспертов попыталась вторгнуться в неприкосновенную ранее сферу — "теоретическую".

После развала СССР произошли другие изменения: ученые потеряли как политический патронаж, так и финансовую поддержку. Образовались: 1) серьезные научные организации, сочетающие прикладные исследования с фундаментальными подходами; 2) институты, претендующие на прикладные исследования, ставящие своей целью ассимиляцию с властью предержащими и участие в проведении зарубежной политики (с. 123). Это составная часть системного кризиса, переживаемого российским обществом, который обусловлен переходом от тоталитаризма к демократии. Однако наличие "интеллектуального энтузиазма" позволяет надеяться на возрождение исследований международных отношений в России (с.125).

Заключительная часть работы "Ученые и практики: воображение, концепции и ошибки концептуализации" подготовлена Вольфом-Дитером Эбервейном (Центр социальных исследований, Берлин). Автор отмечает: только тогда, когда различие между практиками и теоретиками будет понято ими самими, эти группы научатся извлекать пользу (с. 152, 153).

Во времена Бисмарка МР1Д Германии был маленьким учреждением с несколькими сотрудниками (с. 154). Этого было вполне достаточно. Но международные отношения становились все более сложными и все менее предсказуемыми. Потребовалось большое воображение, чтобы оценить перспективы их развития. Так, для практиков и экспертов полной неожиданностью стал распад СССР — никто не мог подобного и вообразить.

Взаимоотношения теоретиков и практиков — вопрос запутанный и противоречивый. Можно выделить две позиции. "Пессимисты" считают, что эти группы живут в совершенно разных мирах (с. 155) и не имеют общей базы для взаимообмена. "Оптимисты" полагают, что "наведение мостов" между ними вполне возможно (с. 156).

Прежде чем предъявлять претензии к теории международных отношений, необходимо напомнить, что это достаточно молодая дисциплина, появившаяся после Первой мировой войны (с.158), а в России процесс ее институционализации находится на начальной стадии.

В.-Д.Эбервейн считает, что дальнейшая институционализация дисциплины (возможная, кстати, только в демократическом обществе) скорее всего приведет к росту контактов между теоретиками и практиками. И это произойдет хотя бы потому, что значение эмпирических исследований возрастает. Обмен идеями жизненно важен для ученых. К тому же, если в одних странах практики не чувствуют потребности в подобном обмене, то в других — ситуация совершенно противоположная.

По-видимому, радикальные изменения в международной системе заставят практиков прислушиваться к советам экспертов. В той или иной форме (информационной, эмпирической, теоретической) обмен был и будет всегда, даже помимо воли участников процесса принятия решений во внешней политике, заключает автор.

Данная книга — серьезный и важный вклад в изучение новой дисциплины. Значение развернувшейся дискуссии велико еще и потому, что сегодня происходит болезненный пересмотр внешнеполитического наследия, доставшегося от СССР, а также становление новой российской международной политики.

Р.Ф.АБАЗОВ,
кандидат философских наук Международный исламский университет, Малайзия